

И.Э. Магадеев*

**«УРОКИ ВОЙНЫ»
И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
ДЕРЖАВ «БОЛЬШОЙ ТРОЙКИ» (1945–1949)**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет)*

*Министерства иностранных дел Российской Федерации)
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

В статье представлен подробный анализ, как в условиях постепенной кристаллизации биполярного порядка военные и политики СССР, США и Великобритании оценивали итоги завершившегося глобального конфликта; на какие сценарии и прогнозы опирались в ходе своего стратегического планирования; считали ли уроки Второй мировой войны устаревшими ввиду появления атомной бомбы. Автор подчеркивает специфику периода 1945–1949 гг.: влияние еще очень свежего опыта беспрецедентных по масштабу и разрушительности боевых действий, наличие американской атомной монополии и отсутствие системы классического ядерного сдерживания. В статье проводится сравнительный анализ оценок «уроков войны» в Москве, Вашингтоне и Лондоне, направленный на демонстрацию их сходства и различий. Автор приходит к выводу о том, что прошедший конфликт, представший прообразом эвентуальной «большой войны» в будущем, рассматривался в трех столицах как образец «тотальной войны» практически глобального масштаба, как конфликт, требовавший тщательной подготовки еще в мирный период и милитаризации гражданской жизни. Реальное стратегическое планирование СССР, США и Великобритании находилось под серьезным влиянием сценариев Второй мировой войны. В Москве готовились отразить агрессию на западных рубежах или на Дальнем Востоке, желая не допустить ошибок периода «Барбароссы». В Вашингтоне признавали конвенциональное превосходство Советского Союза в Старом Свете, не исключая того, что Советская армия займет Западную Европу, которая лишь затем будет отвоевана американцами и их союзниками в духе операции «Оверлорд». В Лондоне шансы на оборону по Рейну рассматривали как слабые, а базовый сценарий

* Магадеев Искандэр Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений МГИМО МИД России (e-mail: iskander2017@yandex.ru).

строили на эвакуации войск на Британские острова («тьень Дюнкерка») и на масштабных стратегических бомбардировках национальной территории СССР и подконтрольных ему стран. Даже «ядерный фактор», вносящий очевидную новизну в стратегическую ситуацию послевоенного периода, играл пока меньшую роль, чем на дальнейших этапах «холодной войны». Тень Второй мировой войны и ее уроки давали о себе знать много позже 1945 г.

Ключевые слова: Вторая мировая война, СССР, США, Великобритания, стратегическое планирование, военная стратегия, тотальная война, ядерное сдерживание, уроки войны, «холодная война».

Выбор хронологических рамок при изучении того или иного исторического периода или события отнюдь не является простой формальностью, а непосредственно сказывается на результатах исследования. Место и роль Второй мировой войны во взаимодействии СССР, США и Великобритании предстают различными в зависимости от опорных точек и хронологического фокуса исследователя. Если в качестве такой опорной точки фигурирует 1939 год, то исторический нарратив нередко строится вокруг идеи об «упущенном шансе» [Мягков, Ржешевский, 2009] или о «фиаско» [Carley, 2019] в создании более прочной антигитлеровской коалиции в преддверии войны, что затруднило бы первоначальные успехи нацистской Германии. Исследователи, акцентирующие взаимодействие «большой тройки» в 1941–1945 гг., подчеркивают его противоречивые тенденции: с одной стороны — плотность и глубину союзных отношений СССР, США и Великобритании, которые, что не исключалось, могли остаться партнерами и после войны; с другой стороны — наличие признаков и проявлений будущей «холодной войны» уже в период существования «Великого альянса» [Печатнов, Магадеев, 2015; Roberts, 2006]. «Феномен холодной войны вызревал постепенно, беря истоки в нарастающих противоречиях внутри антигитлеровской коалиции», — отмечается на страницах новейшей истории Великой Отечественной войны, написанной коллективом российских авторов [Великая Отечественная война 1941–1945 годов, 2015: 589].

Последняя точка зрения характерна для тех историков, которые анализируют не столько период самой Второй мировой войны, сколько зарождение и первый этап собственно биполярного противостояния [см. об этом: Kimball, 2001]. В том случае, если они отталкиваются от 1947 г., исследователи подчас оставляют события 1939–1945 гг. в тени, акцентируя тенденции нараставшего противостояния сверхдержав, а не уроки прошедших событий. Более того,

в новейшей историографии присутствует стремление и вовсе дистанцироваться от традиционных реперных точек при оценке периода «холодной войны»: «Речь идет о том, чтобы рассматривать место и значение холодной войны в тесной взаимосвязи с кардинальными процессами всего XX в., прежде всего с начавшейся еще до Второй мировой войны политической, экономической и культурной глобализацией, которая продолжается в настоящее время» [Егорова, 2020: 25].

В центре проблематики данной статьи — противоречивый переход от союзных отношений «большой тройки» в 1945 г. через двухлетнюю интермедию «первых заморозков» [Батюк, Евстафьев, 1995; см. также: Печатнов, 2006а; Быстрова, 2007] к институционализации и формированию в 1949 г. классических структур и параметров «холодной войны». Среди последних: наличие разделенной Германии, НАТО, сфер влияния СССР и США в Европе, образование КНР и др. Историки, следуя за хронологическим развитием событий от начальной до конечной точки, нередко — и вполне справедливо — интерпретировали период с 1945 по 1949 г. в свете нарастания напряженности между Советским Союзом и Соединенными Штатами и постепенного «перехода Великобритании в разряд младшего партнера США» [Встречными курсами, 2014: 10]. В данном случае, однако, предпринимается попытка оглянуться назад, а не посмотреть вперед: выявить роль «тени прошлого» и наследия Второй мировой войны в нараставшем «конфликтном взаимодействии» сверхдержав [Манькин, 2018]. Автор стремится определить, как в условиях кристаллизации биполярного порядка военные и политики трех стран оценивали итоги завершившегося глобального конфликта, на какие сценарии опирались в ходе стратегического планирования, считали ли уроки Второй мировой войны устаревшими ввиду появления атомной бомбы. Еще одна особенность исследовательского ракурса в представленной статье — нацеленность на то, чтобы совместить и сопоставить точки зрения руководства трех стран бывшего «Великого альянса». Ранее в историографии преимущественно изучали рецепцию «уроков войны» лидерами каждого отдельного государства [Печатнов, 2006b; Магадеев, 2016; Sherry, 1977; Reynolds, 1993] либо сопоставляли оценки, циркулировавшие в Москве и Вашингтоне [Печатнов, 2009]. При всех различиях между тремя странами, как будет показано далее, в анализе их руководством опыта мировой войны были характерные общие черты. Вместе с тем неодинаковая доступность источников, необходимых для изучения стратегического планирования СССР, США и Великобритании (советские документы по данной проблематике остаются гораздо менее доступными, чем

англо-американские), неизбежно сказывается на степени детализации анализа в каждом из трех случаев.

Несмотря на активное формирование структур «холодной войны» и их постепенное распространение из Европы, где противостояние «по-настоящему началось» [Reynolds, 1990: 113], на другие континенты, выбранный хронологический отрезок не был просто одним из этапов в развитии конфликтного взаимодействия сверхдержав, но отличался выраженной спецификой. Тень и наследие Второй мировой войны были ощутимы в 1945–1949 гг. в большей степени, чем на более поздних этапах. В условиях атомной монополии США (и даже позднее) отсутствовала полноценная система взаимного гарантированного уничтожения, которая «с середины 1960-х годов сделала вооруженный конфликт между сверхдержавами иррациональным» [Copeland, 1996: 30; см. подробнее: Herken, 1980; Betts, 1987]. Специфика стратегических реалий 1945–1949 гг. усиливает интерес к изучению событий окончания Второй мировой войны и дальнейшего биполярного противостояния в единой цепке. Подобные попытки, уже предпринимавшиеся в отечественной и зарубежной историографии, дали ценные результаты и заслуживают дальнейшего развития [Печатнов, 2006b; Встречными курсами, 2014; Reynolds, 2006; Roberts, 2006]. Согласно одной из недавних оценок «основы миропорядка во второй половине XX в. были определены руководителями Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании в годы Второй мировой войны» [Холодная война, 2014: 53].

В настоящей статье выявлены общие тенденции в восприятии уроков войны представителями военно-политического руководства и экспертного сообщества СССР, США и Великобритании; рассмотрены основные сценарии стратегического планирования, в значительной степени опиравшиеся на опыт прошедшей войны; наконец, представлен анализ степени новизны, привнесенной ядерным фактором.

Вторая мировая как «тотальная война».

Образ эвентуального конфликта

в советских, американских и британских оценках

Представление о Второй мировой как о «тотальной войне» стало почти общим местом в оценках политиков и экспертов стран «большой тройки». Сам термин «тотальная война» (в значении, приближенном к современному) возник еще во время первого мирового конфликта (в 1916 г. его использовал французский ультраправый политик Л. Додэ, а позднее популяризовал немецкий военачальник генерал Э. Людендорф [Segesser, 2014]) и не был чем-то абсолютно

новым. Восприятие войны как процесса, вовлекающего в себя не только фронт, но и тыл, как конфликта, требующего максимального напряжения всех сил государства и общества, отразилось в целом ряде оценок Ф. Рузвельта, У. Черчилля и И.В. Сталина.

Президент США, обращаясь 6 января 1943 г. к Конгрессу, отмечал: «Тотальная война — это суровая реальность»¹. Практический посыл его различных публичных речей нередко состоял в необходимости объединения тыла («в тотальной войне за демократию должен сражаться <...> весь [американский. — *И.М.*] народ»²) и отказа от лоббирования конгрессменами отдельных бизнес-интересов: «Мы только начинаем ощущать суровые результаты тотальной войны. Счастливые семьянины должны покинуть свои хорошие и высокооплачиваемые должности и становиться солдатами <...>. Мы — те, кто остался в гражданской жизни, дабы обеспечивать им продовольствие и снабжение, а также необходимый минимум для себя, — не должны спорить друг с другом в тщетных усилиях улучшить или удержать свои позиции за счет других ребят»³. Вместе с тем, несмотря на заявления Ф. Рузвельта, де-факто США остались в стороне от основных проявлений «тотальной войны» и даже, напротив, укрепили свои экономические позиции в мире, окончательно преодолев Великую депрессию 1930-х годов.

Упоминание о «тотальной войне» неоднократно встречалось и в выступлениях У. Черчилля. Так, 19 мая 1943 г. в речи, произнесенной перед обеими палатами Конгресса США, премьер-министр Великобритании, как и Ф. Рузвельт ранее, стремился донести до американских политиков, отгороженных, как правило, от жестких проявлений мирового конфликта, мысль о том, что «современная война тотальна» [цит. по: Black, 2010: 10]. Аналогичные характеристики были широко распространены и среди британских дипломатов и военных. В августе 1941 г. посол Великобритании в СССР С. Криппс призывал Лондон оказать более активную помощь Красной армии, утверждая: «...установка на ведение тотальной войны выполняется не полным образом из-за непонимания того факта, что русский фронт является и нашим фронтом наравне с внутренним фронтом нашей страны и ближневосточным фронтом»⁴. Годом позже один из офи-

¹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 12. New York, 1950. P. 6.

² Statement on the First Anniversary of the WAVES. July 30, 1943 // Ibid. P. 337.

³ Message to the Senate. April 2, 1943 // Ibid. P. 142.

⁴ Путь к Великой Победе. СССР в войне глазами западных современников: Документы и материалы / Под ред. акад. А.В. Торкунова; авт.-сост.: В.О. Печатнов, М.М. Наринский, И.Э. Магадеев. М., 2015. С. 64.

церов британских ВВС на страницах специализированной прессы акцентировал взаимосвязь между боеспособностью вооруженных сил, с одной стороны, и экономическими возможностями и сплоченностью тыла — с другой (второе он обозначал как «гражданскую силу»): «Именно прочность гражданской силы является настоящей основой государственной мощи. Когда военная сила не может более обеспечивать необходимые условия для сохранения гражданской силы, государство должно просить о мире»⁵.

В Советском Союзе, несмотря на то что термин «тотальная война» был почти табуирован еще в 1930-е годы ввиду его предполагаемых нацистских корней (дискурс «тотальной войны» в германской пропаганде военного периода лишь усилил подобные настроения в советских властных кругах), де-факто оценки не были далеки от тех, что бытовали на Западе. Для Москвы, где еще в 1920-е годы рассматривали потенциальный вооруженный конфликт с другими державами, по сути, как «тотальную войну» [Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации, 2014: 518–525], идеи о роли производственной базы и об особенно ожесточенном характере ведения войны в современных условиях были почти трюизмами. К подобным концепциям подталкивали также идеологические постулаты о роли экономического базиса в целом и о глубине противоречий между социалистическими и капиталистическими странами. Как писал в официальном труде 1948 г. глава Госплана СССР Н.А. Вознесенский, «в советской экономике активность народа мобилизуется на выполнение государственного плана, а труд каждого труженика в конечном счёте подчинён единой цели»⁶. Идея «тотальной мобилизации» тыла и восприятия практически каждого гражданина (будь то военнослужащего или рабочего) как элемента общегосударственной военной машины была одной из ключевых для дискурса и реального ведения «тотальной войны».

И.В. Сталин неоднократно отмечал идеологическое и производственное измерения «тотальной войны». Уже 22 июня 1941 г. в своем окружении он, по сути, описывал советско-германскую войну как «тотальную» по характеру ведения и степени ожесточенности, отмечая, что «только коммунисты могут победить фашистов»⁷. В выступлениях перед более широкой публикой председатель Совета народных

⁵ Kingston-McCloughry E.J. Total war power // RUSI Journal. 1942. Vol. 87. No. 548. P. 326–327.

⁶ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 143.

⁷ The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / Ed. by I. Banac. New Haven, 2003. P. 166.

комиссаров (СНК) акцентировал значение экономики страны для боеспособности вооруженных сил и необходимость единства тыла. Так, в речи от 6 ноября 1943 г. И.В. Сталин, ссылаясь на В.И. Ленина, отметил, что «война есть всестороннее испытание всех материальных и духовных сил каждого народа <...> лишь те государства выдерживали это испытание, которые оказывались сильнее своего противника по развитию и организации хозяйства, по опыту, мастерству и боевому духу своих войск, по выдержке и единству народа ...»⁸.

Представление о «тотальной войне» влияло не только на анализ текущего конфликта, но и на образ будущего. Фактически руководители всех трех стран исходили из того, что эвентуальная «большая война» будет иметь тотальный и максимально ожесточенный характер, а победа в ней в значительной степени будет зависеть от объема контролируемых ресурсов и территорий — основы военного потенциала государств и коалиций. В июле 1945 г. американский Комитет начальников штабов (КНШ) в одной из ранних разработок послевоенной стратегии подчеркивал, что «еще одна большая война в худшем случае разрушит Соединенные Штаты, а в лучшем — может быть выиграна лишь ценой устрашающих людских и материальных потерь. Любой будущий конфликт между ведущими державами практически наверняка выльется в третью мировую войну, участия в которой нам ни в коем случае не избежать» [цит. по: Печатнов, Манькин, 2016: 290]. Британский Штаб объединенного планирования еще в мае 1945 г. в плане операции «Немыслимое» на случай вооруженного противостояния с СССР призывал готовиться «к тотальной войне, длительной и дорогостоящей одновременно»⁹. Схожие установки сохранились в Лондоне и позже. В апреле 1946 г. начальник Штаба ВВС маршал авиации А. Теддер подчеркивал на заседании Комитета обороны британского правительства, что «в любой будущей войне с Россией мы должны выиграть время в самом начале конфликта, которое бы позволило нам мобилизовать наши ресурсы»¹⁰.

Для советского руководства пережитая «тотальная война» была худшим потенциальным вариантом развития событий в дальнейшем. Ее тень в рассматриваемый период скорее отражалась в стремлении к определенной осторожности в отношениях с США и

⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 1. М., 1944. С. 99.

⁹ Опувл. в: Ржешевский О.А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 104.

¹⁰ DO (46) 10th Meeting. April 5, 1946 // The National Archives of Great Britain (TNA), Cabinet Office (CAB) 131/1. F. 92.

Великобританией, в рамках которых допускалась напряженность в разных ее формах, но не «большая война». Подробная разработка о послевоенном устройстве, составленная 11 января 1944 г. советским дипломатом И.М. Майским, была проникнута идеей о необходимости длительного периода мира для восстановления Советского Союза «сроком на 30–50 лет»¹¹. Ряд советских деятелей отмечали и другую сторону медали: опыт ожесточенной советско-германской войны должен был послужить уроком и для потенциальных противников СССР в будущем. В мае 1946 г. в характерном для того времени духе начальник Совинформбюро и бывший заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский выражал схожую идею: «...битие определяет сознание — и то, что мы набили морду, это усвоено многими...»¹².

Милитаризация экономики и гражданской жизни. «Идеология постоянной боеготовности»

Тень «тотальной войны» проявлялась и в другой важной тенденции, связанной с последствиями глобального конфликта и их осмыслением в Москве, Вашингтоне и Лондоне. Если «тотальная война» в будущем грозила колоссальными разрушениями и необходимостью мобилизации максимального количества ресурсов, то подготовка к ней требовала милитаризации гражданских сфер жизни и закрепления идеи о перманентности военного фактора и в условиях мира. Этот процесс, как правило, шел параллельно с увеличением государственных функций и возможностей государственного аппарата, развитием инструментов и институтов «военного государства» — оборотной стороны послевоенного «государства благоденствия» [Edgerton, 2005]. Если в советском случае речь скорее шла о преемственности с прошлыми тенденциями, то для западных стран (особенно для США) эти процессы отличались большей новизной.

Так, американский историк М. Шерри писал о формировании в США по итогам Второй мировой войны «идеологии постоянной боеготовности», размывании «линии между миром и войной», растущей роли военно-промышленного сектора [Sherry, 1995: 44, 142]. «Постоянная боеготовность», согласно идеям, набравшим вес в Вашингтоне, «способствует развитию научной инфраструктуры, необходимой для экономической экспансии, усилит связи между

¹¹ СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1 / Сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. М., 1996. С. 352.

¹² Путь к Великой Победе. С. 886.

корпорациями и политическими элитами, защитит доступ к рынкам и сырью, необходимому для дальнейшего экономического роста. Она может стимулировать крупные инвестиции в тот период, когда иные формы государственных расходов будут анафемой в глазах влиятельных групп интересов» [Sherry, 1977: 236].

Конкретные проявления милитаризации социальной и внутриполитической жизни в странах «большой тройки» по итогам Второй мировой войны были различными: расширение репрессивных возможностей государственного аппарата и наращивание военно-промышленных комплексов, новая роль науки в развитии военных технологий, укрепление и институционализация специальных и разведывательных служб, растущий вес военной составляющей в планировании различных сфер социальной жизни. В докладе подкомитета КНШ Великобритании по вопросам противовоздушной обороны (ПВО) от 15 июня 1945 г. нашли отражение многие из указанных тенденций. Британские военные, обеспокоенные возможными налетами вражеской авиации на Соединенное Королевство в будущем, не только предлагали создать интегрированную систему ПВО Великобритании и стран Северо-Западной Европы, но отмечали необходимость сохранить лидерство в сфере радаров и радиотехнологий, обеспечить поступление качественных разведанных, а также учесть запросы ПВО в городском планировании, развитии сельского хозяйства и строительстве зданий¹³.

О все более тесных связях мира науки, промышленности, военных и разведывательных структур говорили как «Манхэттенский проект» по созданию американской атомной бомбы, в котором свою роль сыграли британцы [Мальков, 1995], так и советский атомный проект, осуществлявшийся под прямым руководством Народного комиссариата внутренних дел (с августа 1945 г.). Весомую роль в развитии советского проекта сыграла к тому же информация о западных разработках, полученная по каналам разведки. В целом, как отмечал в сентябре 1945 г. президент Академии наук СССР академик С.И. Вавилов, «опыт войны с полной наглядностью показывает колоссальную действенность научно-технической работы при должной ее мобилизации и концентрации»¹⁴.

Надежд на принципиальное сокращение роли военной силы, присутствовавших в общественно-политических дискуссиях после

¹³ COS (45) 390 (O), Report by the Sub-Committee on the Allocation of Active Air Defence. June 15, 1945 // TNA, CAB 80/94. Ff. 353–354.

¹⁴ Вавилов С. Наука и новый пятилетний план // Известия. 08.09.1945.

1918 г., у современников Второй мировой практически не было: необходимость в той или иной мере милитаризировать гражданскую жизнь признавали, хотя и в разной степени, все участники «большой тройки». Вторая мировая война представляла своеобразным образцом, на который опирались государства при планировании и прогнозировании будущих военно-политических реалий. Показательными в этом смысле были британские дискуссии о судьбе «импровизации военного времени»¹⁵ — Управления специальных операций (СОЕ) (Special operations executive, SOE), созданного в июле 1940 г. в первую очередь для подрывной и разведывательной работы в оккупированной Европе. При обсуждении вопроса о будущем СОЕ весной–летом 1945 г. протагонисты независимо от того, поддерживали ли они сохранение самостоятельности организации или передачу ее функций Секретной разведывательной службе (СИС) (Secret intelligence service, SIS), подчеркивали возросшую роль подрывных операций, проведение которых прогнозировалось и в дальнейшем. Министерство экономической войны, которому подчинялось СОЕ, отмечало: «...современные тренды научного и технического развития во всех сферах промышленности и государственной жизни, очевидно, демонстрируют, что роль подрывных операций в будущей войне будет еще более значительной, чем в войне нынешней»¹⁶.

В случае США Вторая мировая война стала важнейшим этапом в институционализации и расширении возможностей американских спецслужб [Дундуков, 2014]. Печальный опыт неожиданного нападения на Пёрл-Харбор стал одним из наиболее убедительных стимулов к созданию сильных разведывательных органов. Как говорилось на страницах специализированного «Дайджеста военно-воздушной разведки» (сентябрь 1948 г.), использование новейших разведывательных технологий должно позволить США избежать «Пёрл-Харбора атомного века» [цит. по: Aronsen, 2001: 107]. Создание Центрального разведывательного управления (ЦРУ) в 1947 г. было в этом смысле одним из наиболее серьезных последствий осмысления подобного опыта войны.

Уроки прошлого и представление о глобальном масштабе потенциальной «большой войны» в будущем

Наконец, еще одним выводом из уроков Второй мировой войны, который делали в свете подготовки к будущему противостоянию

¹⁵ COS (45) 360 (O), Memo by Selborne. May 27, 1945 // TNA, CAB 80/94. F. 251B.

¹⁶ Ibid. F. 251C.

ее участники, стало представление о глобальном масштабе эвентуального конфликта. Если Первая мировая была «преимущественно европейской войной» [Marks, 2003: 1], то после 1941 г. боевые действия приобрели глобальный характер: сухопутные сражения на советско-германском, а затем и на Западном фронте сопровождались невиданными ранее англо-американскими стратегическими бомбардировками Германии, борьбой за контроль над ключевыми океанскими коммуникациями (прежде всего в Атлантике), военноморскими и военно-воздушными батальями в Тихом океане, менее интенсивными конфликтами в Северной Африке, Италии, Юго-Восточной Азии. Пусть Западное полушарие и большая часть Африканского континента остались незатронутыми непосредственными боевыми действиями [Chickering, Förster, 2005: 7], влияние войны было очевидным и там. Как отмечал в 1944 г. один из британских офицеров, «в мире нет ни одной стороны жизни или места, не затронутого текущей схваткой, хотя сами сражения и могут происходить в тысяче миль от них»¹⁷.

Образ Второй мировой как глобальной войны в американских и британских оценках накладывался на глобальный масштаб собственного стратегического планирования на послевоенный период. В случае США, нового гегемона западного мира, речь шла об очевидной новизне, обусловленной опытом завершившегося конфликта. По словам одного из исследователей, «Вторая мировая война ускорила переход от концепции “крепости Америка” к концепции “американского века” <...>. Когда-то имевшая континентальный характер и замкнутая в рамках полушария, теперь американская концепция по обеспечению обороны внешних рубежей стала внерегиональной и глобальной» [Porter, 2011: 559–560]. Подобная трансформация, отражавшая возросшую мощь и внешнеполитические запросы американского руководства, одновременно была итогом определенного осмысления стратегического опыта войны.

В КНШ США еще в ноябре 1943 г. всерьез задумались о необходимости не только укрепить безопасность страны за счет военного базирования в Карибском бассейне, но и окружить Западное полушарие защитным кольцом военных баз (прежде всего для дислоцирования авиации). В качестве пунктов для их размещения в Тихом океане были намечены Алеутские, Филиппинские острова, Окинава и бывшие японские подмандатные острова в Микронезии, а в Атлантическом океане — Азорские и Канарские острова [Leffler, 2017:

¹⁷ Little R.S. Staff training for total war // RUSI Journal. 1944. Vol. 89. No. 555. P. 256.

124]. Очевидный интерес американских военных к базам в Северной Атлантике (в Исландии и Гренландии) проявился в желании осенью 1945 г. «заменить» британские войска, планировавшиеся к выводу с этих островных территорий¹⁸. В целом в «Обобщающем обзоре потребностей Соединенных Штатов в военных базах и правах на их размещение», подготовленном КНШ в конце сентября 1945 г., развивались идеи более ранних проектов в сторону еще большего размаха. Все активнее шла разработка проектов логистического обеспечения широкой сети намечаемых баз за счет получения прав на воздушный транзит и на посадку по стратегически важному маршруту от Манилы до Касабланки через Бангкок, Дели, Каир и целый ряд иных пунктов [Печатнов, Манькин, 2016: 292].

Для военного руководства Британской империи, привыкшего к учету глобального измерения в военном планировании ввиду самого размаха имперских территорий, Вторая мировая скорее подтверждала уже имевшиеся стратагемы, чем радикально трансформировала их. Как и раньше, речь шла о поиске оптимального варианта распределения ограниченных военных ресурсов Великобритании и Содружества для решения двойной, хотя и нередко внутренне противоречивой задачи — обеспечения безопасности метрополии и империи. Во время дискуссии весной 1946 г. с лейбористским премьер-министром К. Эттли о важности Средиземноморья для британских интересов в послевоенном мире руководство КНШ Великобритании во главе с фельдмаршалом А. Бруком, прошедшее через войну, настаивало: «Наши стратегические потребности основаны прежде всего на факторах географического положения и распределения людской силы и природных ресурсов, которые не подверглись изменению»¹⁹.

Если в США Вторая мировая война вызвала очевидную трансформацию стратегических представлений, то советский случай скорее отчасти напоминал британский: элементы преемственности с довоенными концепциями были выражены намного очевиднее. Советская стратегия сохраняла континентальный уклон с акцентом на обеспечение прикрытия и безопасности сухопутных границ. В январе 1944 г. И.М. Майский заявлял, что «СССР должен выйти из нынешней войны с выгодными стратегическими границами [подчеркнуто рукой наркома иностранных дел В.М. Молотова. — *И.М.*], в основу которых должны лечь границы 1941 года. Сверх того, было

¹⁸ CM (45) 35, Cabinet Conclusions. September 25, 1945 // TNA, CAB 128/1. F. 69.

¹⁹ DO (46) 47, Report by the Chiefs of Staff. April 2, 1946 // TNA, CAB 131/2. F. 244.

бы очень важно, чтобы к СССР перешли Петсамо, Южный Сахалин и цепь Курильских островов. СССР и Чехословакия должны иметь общую границу»²⁰. В ноябре 1944 г. заместитель наркома М.М. Литвинов прогнозировал усиление позиций СССР, «который после поражения Германии, ослабления Франции и Италии окажется единственной могучей континентальной европейской державой». Дипломат полагал, что «своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию»²¹.

Императив «глубины обороны»

Постепенное разделение Европы, а затем и других частей света на сферы влияния не только отражало процессы биполяризации и нарастания «холодной войны», но и коррелировало со стратегическими уроками завершившегося глобального конфликта. Так, в стратегических дискуссиях еще 1944–1945 гг. популярность набирало понятие «глубина обороны», фиксировавшее выводы о растущей разрушительной силе современных вооружений и войны в целом, о ее новых масштабах и тотальном характере. Свою роль сыграл и анализ конкретного опыта, полученного при проведении масштабных операций Второй мировой. Расчет базовых тактико-оперативных параметров (количество войск на километр фронта, масштаб превосходства над противником на участке прорыва т.д.) в конце 1940-х — начале 1950-х годов и на Западе, и в СССР осуществлялся на базе цифр Второй мировой войны [Hilsman, 1959: 149].

Для военного и политического руководства всех стран «большой тройки» «глубина обороны», по сути, означала необходимость отдалить на максимально возможное расстояние потенциальную агрессию в будущем, защитить жизненно важные промышленные и политические центры, а также выиграть время для «тотальной мобилизации» их ресурсов. Конкретные же черты толкования «глубины обороны» определялись стратегическим положением и расчетами каждой из стран.

Размышления военного руководства США о «глубине обороны» дополнялись глобализацией американской концепции безопасности,

²⁰ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 352.

²¹ Записка Литвинова «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества», 15 ноября 1944 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 143. Л. 83.

и подобная глубина приобретала в разработках планировщиков почти всемирное измерение. Глава оперативного управления Штаба сухопутных сил генерал Дж. Линкольн на совещании с коллегами в августе 1945 г. подчеркивал: «...нам придется идти на военное вмешательство в Европе или Азии, поскольку мы не планируем оказаться в ситуации, когда военные действия будут разворачиваться в США» [цит. по: Печатнов, Маныкин, 2016: 292]. Британское командование размышляло в схожем ключе, особый акцент делая на нейтрализации военно-воздушной угрозы с Европейского континента. При обсуждении в 1944 г. потенциального военно-политического союза западноевропейских государств после войны и КНШ, и Форин Офис усматривали один из важных резонансов подобной группировки именно в создании «глубины обороны» для самой Великобритании. «Немедленным преимуществом с военной точки зрения могут стать дополнительная глубина нашей обороны, расширение ресурсной базы, большая гибкость и наличие общего и заранее согласованного плана обороны вместе со странами Западной Европы», — подчеркивал британский МИД во внутренней переписке с военными в июне 1944 г.²² По мере нарастания «холодной войны» подобная логика лишь закреплялась в стратегии Великобритании. В программном меморандуме КНШ «Будущая политика обороны» (май 1947 г.) было отмечено, что на текущий момент отсутствовала «комбинация европейских держав, способная выстоять против России в сухопутной войне». Это не означало, однако, отказа военных от попыток создать искомую «глубину обороны»: «...любое время, которое мы можем выиграть для улучшения нашей оборонительной системы, настолько важно, что для формирования группы западноевропейских держав, способных как минимум замедлить продвижение врага через Европу, необходимо приложить все возможные усилия» [цит. по: Lewis, 2003: 374].

В рамках сталинской концепции, в которой стратегические факторы были неразрывно переплетены с политико-идеологическими, создание «пояса безопасности» из просоветских государств против потенциальной германской агрессии было важной долгосрочной задачей. Неоднократно упоминая вероятность новых реваншистских действий Германии, И.В. Сталин связывал их парирование с улучшением стратегического положения СССР за счет союзов с восточно- и центральноевропейскими государствами и важных территориальных изменений, таких как получение общей границы

²² COS (44) 113, Memo by Foreign Office, 23 June 1944 // TNA, CAB 80/44. F. 134.

с Чехословакией, расширение территории Польши на запад (что одновременно стало бы своего рода компенсацией за ее «усечение» на востоке), прикрытие юго-западного фланга с помощью болгаро-югославской федерации (хотя по поводу последней существовали некоторые сомнения)²³. Эту логику отчасти признавали и в Лондоне. Как отмечал Объединенный разведывательный комитет КНШ Великобритании в марте 1946 г., Советы «твердо нацелены на то, чтобы развитие возможностей России не было вновь потревожено враждебным нападением <...>. Они будут рассматривать в качестве важной задачи создание и консолидацию по границам России “пояса” государств-сателлитов во главе с правительствами, подчиняющимися их политике»²⁴.

Отмеченные тенденции в восприятии опыта Второй мировой войны как образца «тотального» и «глобального» вооруженного конфликта, требовавшего мобилизации ресурсов и милитаризации тыла, где-то более, где-то менее очевидно проявлялись в стратегическом планировании СССР, США и Великобритании. Эти процессы служили своего рода общими рамками при выстраивании стратегических прогнозов и оценок. При этом в стратегических сценариях нередко отражалась и специфика опыта каждой из держав, пережитого в ходе Второй мировой войны.

Американское военное планирование и «тень Оверлорда»

Англо-американское стратегическое и оперативное планирование оставалось приближено к сценариям Второй мировой. В оценках Вашингтона и Лондона как нацистская Германия, так и СССР представляли в качестве потенциальных континентальных гегемонов. Мобилизуя собственные и европейские ресурсы, обе страны могли в последующем «дотянуться» до отделенных морем американской и британской территорий и бросить глобальный вызов США и Великобритании. В условиях невозможности противостоять Советской армии на Европейском континенте (допущение, рассматривавшееся практически как аксиома до образования НАТО, а с некоторыми оговорками и позже) планирование развивалось по сценариям, напоминавшим стратегические дискуссии о путях освобождения Европы, оккупированной Германией.

²³ The Diary of Georgi Dimitrov. P. 358; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. Документы / Отв. ред. Т.А. Волокитина. М., 1999. С. 87.

²⁴ JIC (46) 1 (O) Final, Report by the Joint Intelligence Sub-Committee. March 1, 1946 // TNA, CAB 81/132.

Над американским планированием, образно говоря, нависала «тень Оверлорда». Начиная с плана «Пинчер» (июнь 1946 г.) — первого из широкомасштабных планов на случай войны с Советским Союзом, согласованного Объединенным комитетом военного планирования (ОКВП), — американские военные исходили из допущения, что Советская армия займет территорию Западной Европы и, вероятно, Ближнего Востока (хотя по поводу последнего существовали небольшие колебания). В разработке «Колдрон» (ноябрь 1946 г.) ОКВП предполагал, что СССР в силах организовать наступление сразу в западную Турцию (через Балканы силой 45 дивизий) и в ее восточную часть (через Кавказ силами 30 дивизий) с последующим выходом в Иран, Ирак, Палестину и в зону Суэцкого канала [Cohen, 2015: 20; Ross, 2013: ch. 2]. Американский комитет *ad hoc*, сформированный в 1948 г. (состоял из представителей ЦРУ, разведывательных подразделений Госдепартамента и видов вооруженных сил), должен был оценить, прибегнет ли Москва в течение текущего года к прямым военным действиям. В марте комитет пришел к выводу о том, что СССР способен завоевать Западную Европу и Ближний Восток до Каира «в короткий период времени» [цит. по: Cohen, 2015: 7]. В важной директиве Совета национальной безопасности (СНБ) 20/4 (ноябрь 1948 г.), составленной отделом планирования Госдепартамента во главе с Дж. Кеннаном и одобренной президентом Г. Трумэнном, было отмечено, что серьезная угроза со стороны СССР самим США и Западному полушарию в целом отсутствует. Сразу, однако, оговаривалась возможность Советского Союза занять за шесть месяцев «всю континентальную Европу и Ближний Восток до Каира, оккупировав одновременно важные сухопутные пункты на Дальнем Востоке», что грозило в дальнейшем серьезными проблемами и самим Соединенным Штатам²⁵.

На переговорах с британцами и канадцами в марте 1948 г., на которых обсуждался вопрос о возможном преобразовании недавно сформированного Западного союза (Великобритания, Франция, страны Бенилюкса) в Североатлантический договор, американская сторона демонстрировала готовность пересмотреть варианты эвакуации из Европы и участвовать в обороне по Рейну. Однако американские военные планировщики на деле продолжали строить свои

²⁵ Report by the National Security Council on U.S. Objectives with respect to the USSR to Counter Soviet Threats to U.S. Security [Enclosure to N[ational]S[ecurity]C[ouncil] 20/4. November 23, 1948] // Foreign Relations of the United States (FRUS). 1948. Vol. 1. General; The United Nations. Pt. 2. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1976. P. 665.

разработки на базе пессимистичного реализма и руководствовались стремлением сохранить «свободу рук». Американский военный план «Оффтэкл» (декабрь 1949 г.) предполагал использование против врага 292 атомных бомб (а также 17 610 тонн обычных) в первые 90 дней войны. В этой разработке, составленной уже после создания НАТО, более очевидно, чем ранее, акцентировались идея обороны по Рейну и намерение удержать Западную Европу, однако отсутствие в нем четко выделенных для подобных операций самолетов и атомных бомб говорило о подспудных сомнениях американских планировщиков в реалистичности подобной задачи. Десантные операции в Западной Европе в духе «Оверлорда» намечались лишь на первый или второй год после начала войны, но и тогда рассматривались как маловероятные. Схожий настрой, при котором идея обороны по Рейну скорее постулировалась, чем рассматривалась как нечто реальное, отразился и в натовском «Оборонительном плане на среднесрочный период» весны 1950 г. [Johnston, 2001: 96].

Суждения, высказывавшиеся во внутренних дискуссиях в 1949 г. председателем КНШ США генералом армии О. Брэдли (в 1944 г. командовал 1-й американской армией, участвовавшей в высадке в Нормандии, а затем 12-й армейской группой), хорошо фиксировали двойственность тогдашней американской стратегии. В июле О. Брэдли обрисовывал картину войны, напоминавшую сценарий Второй мировой. Не говоря напрямую о том, чтобы оставить территорию Западной Европы, он отмечал, что «основное ядро наличных наземных сил будет поставлено Европой», при этом США возьмут на себя главенствующую роль в стратегических бомбардировках противника и военно-морской блокаде. Однако в октябре во время переговоров с А. Теддером О. Брэдли уже был откровеннее и заявлял, что планировать новый «Оверлорд» с территории Британских островов против противника, вооруженного атомной бомбой, слишком рискованно. Американский военачальник полагал, что предпочтительнее вариант действий, основанный на бомбардировках с военно-воздушных баз в Северной Африке, а также на удержании линии обороны в континентальной Европе не по Рейну, а по Пиренеям [Орлов, 2000: 196]. В североафриканских планах О. Брэдли очевидно сказывалось влияние опыта англо-американской стратегии образца 1942–1943 гг. Оценки боеспособности самих западноевропейских стран, циркулировавшие в Пентагоне, оставались низкими. На слушаниях в Конгрессе в июле 1949 г. по вопросу ратификации Североатлантического договора О. Брэдли и министр обороны Л. Джонсон акцентировали необходимость скорейшей

военно-технической помощи европейским странам: ждать полного восстановления европейских производственных возможностей, по словам последнего, значило «снова пойти на риск “сделать слишком мало и слишком поздно”»²⁶.

Британское военное планирование и «тень Дюнкерка»

Развивая приведенную метафору, можно отметить, что над британским стратегическим планированием в свою очередь нависала «тень Дюнкерка». В начале 1947 г. на заседаниях КНШ начальник Генштаба британской армии фельдмаршал Б. Монтгомери соглашался с идеей о том, что в случае войны Великобритания должна полагаться прежде всего на «подавляющую военно-воздушную мощь». Однако он призывал не забывать, что для авиации нужны и наземные базы, и чем ближе они расположены к целям на территории противника или его союзников, тем лучше. По расчетам Б. Монтгомери, на Рейне, который предполагалось сделать линией обороны западных стран, на 14-й день после начала войны будут насчитываться 33 советские дивизии, через месяц — 73. Для их удержания на водном рубеже Б. Монтгомери считал необходимым иметь 23 дивизии на 14-й день и 48 — спустя месяц (30 из них должна была выставить Франция, сами британцы были готовы предоставить лишь 2). В своих разработках 1948 г. британский Штаб объединенного планирования продолжал подчеркивать роль Рейна как оборонительного рубежа и писал о возможности искусственного затопления северо-западной части Нидерландов, в том числе для прикрытия стратегически важного порта Антверпена [Cornish, 1996: 110–112]. Все же в марте 1949 г. Б. Монтгомери, уже занимая пост председателя Комитета главнокомандующих Постоянного совета обороны Западного союза, был вынужден признать, что в начале конфликта западные страны будут располагать лишь 10 дивизиями в Западной Европе и не смогут сдержать даже те 25 советских дивизий, которые размещались на востоке Германии и в Польше [Karber, Combs, 1998: 419].

Командование британских ВВС смотрело на ситуацию еще более пессимистично. Отчасти повторяя британские дискуссии 1940 г., на заседаниях КНШ в феврале 1947 г. глава Штаба ВВС маршал У. Диксон раскритиковал готовившийся договор о взаимопомощи с Францией. Он подчеркнул, что Великобритания должна опираться не на союзников на континенте, а на США — «краеугольный камень, на

²⁶ Synopsis — Summaries by James Rosenau: Synopsis A. The Adoption of the Military Assistance Program, July–October 1949 // Harry S. Truman Library, Acheson Papers, Princeton Seminars File, 1953–1970, Box 78.

котором основаны наша большая стратегия и планирование» [цит. по: Dockrill, 1990: 58]. В целом британские и американские планы того периода предполагали в случае войны эвакуацию войск из Западной Европы на Британские острова и продолжение боевых действий за счет стратегических бомбардировок СССР и подконтрольных ему территорий с баз в Великобритании, Средиземноморье и на Ближнем Востоке. «Франция и остальная Западная Европа должны были дожидаться освобождения до того, как англо-американцы будут готовы организовать новый “день Д”...» — отмечал британский историк М. Докрил [Dockrill, 1990: 58].

В этом отношении англо-французский договор о взаимопомощи (март 1947 г.), подписанный в Дюнкерке и призванный перечеркнуть тяжелые воспоминания 1940 г., на деле был примером своеобразной исторической иронии. У британцев не было сил и желания оказать Франции серьезную помощь на суше, да и вера британских властей после отставки Ш. де Голля в январе 1946 г. в то, что Французская Республика сама способна оказать сопротивление в случае войны, становилась все меньше [Greenwood, 1983]. В ноябре 1948 г. КНШ Великобритании продолжал исходить из того, что западноевропейские страны, даже наладив полноценное взаимодействие в оборонной сфере друг с другом, не смогут «оказать сопротивление русскому наступлению в Западной Европе» [цит. по: Cornish, 1996: 126].

Опыт Великой Отечественной войны и советское военное планирование

Влияние сценариев Великой Отечественной и Второй мировой войны было очевидным и в случае советского планирования. В приказе И.В. Сталина в качестве министра вооруженных сил «О боевой подготовке Вооруженных сил на 1947 учебный год» (декабрь 1946 г.) подчеркивалось: «В основу боевой подготовки положить дальнейшее изучение опыта Великой Отечественной войны, постоянное и правильное внедрение его в повседневную практику обучения»²⁷. Схожие принципы закладывались в основу не только обучения, но и военного планирования. Оперативный план действий Группы советских оккупационных войск в Германии, подготовленный в ноябре 1946 г., носил оборонительный характер и во многом исходил из базового сценария Великой Отечественной войны: отражение удара

²⁷ Приказ министра вооруженных сил Союза ССР № 086, 25 декабря 1946 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 477. Л. 58об.

противника за счет активных контрнаступательных действий²⁸. План мероприятий по оперативной подготовке на 1947 г., утвержденный И.В. Сталиным, предполагал отработку похожих сценариев. Так, командованию и штабам Белорусского, Московского и Приволжского военных округов вместе с рядом соединений Резерва Верховного главнокомандования, Дальней авиации, воздушно-десантным корпусом и Северо-Западным округом ПВО предписывалось отработать «контрудар по прорвавшейся крупной группировке противника с последующим переходом в решительное наступление...»²⁹.

Советские военные и дипломаты не исключали конфликта не только на западном театре военных действий (ТВД), но и на Дальнем Востоке. Эти соображения отражали опыт и уроки прошлого (японская угроза), но по-своему вписывались и в рамки идеи о «глобализации» войны против нового потенциального противника в лице США. Так, в записке от 27 сентября 1946 г. посол СССР в Вашингтоне Н.В. Новиков обрисовал сценарий эвентуальных военно-воздушных и военно-морских ударов США по советской территории с опорой на широкую сеть баз (в том числе по периметру советских границ). С точки зрения дипломата, реализация подобной стратегии предполагала предварительное наращивание американского сухопутного присутствия в Европе (с опорой на ремилитаризованную Западную Германию) и на Дальнем Востоке (при восстановлении военной мощи Японии)³⁰. В плане мероприятий советских вооруженных сил по оперативной подготовке на 1947 г. командованию и штабам сухопутных и военно-морских сил на Дальнем Востоке предписывалось отработать следующий сценарий: «Оборона Приморья, Северной Кореи и Порт-Артура во взаимодействии с Тихоокеанским флотом, с последующим переходом в решительное наступление»³¹. По устным свидетельствам ряда советских генералов, 14-я армия под командованием генерал-лейтенанта Н.Н. Олешева, с 1946–1947 гг. дислоцировавшаяся на Чукотке, рассматривалась как инструмент своего рода асимметричного удара по территории американской Аляски в случае атомных бомбардировок СССР³². Вместе с тем задачи 14-й армии вполне могли носить оборонительный характер, а ее состав и особенности внутренней организации (отсутствие танкосамоходного полка

²⁸ Оpubл. в: Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 27–31.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 477. Л. 72об.

³⁰ Советско-американские отношения. 1945–1948 / Под ред. акад. Г.Н. Севостьянова; сост. В.В. Алдошин, Ю.В. Иванов, В.М. Семенов. М., 2004. С. 312–321.

³¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 477. Л. 72об.

³² Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 52; Военно-промышленный курьер. 2009. № 30 (296).

в дивизиях при наличии танкового батальона, отсутствие противотанкового артиллерийского дивизиона и др. [Феськов и др., 2013: 581]) не свидетельствовали о выраженных наступательных возможностях.

Повышенное внимание к начальной стадии конфликта.

«Мюнхенский синдром»

Таким образом, несмотря на различие конкретных сценариев, разработывавшихся в руководстве держав бывшей «большой тройки», опыт прошедшей войны серьезно влиял на картину эвентуального конфликта в будущем, пусть при этом в качестве новых противников выступали бывшие союзники. Общей чертой оставалось и повышенное внимание к начальному этапу потенциальной войны. Руководство СССР и США к этому в немалой степени подталкивал болезненный опыт неожиданного удара — «Барбароссы» и Пёрл-Харбора соответственно. Так, в Соединенных Штатах не только глава Управления военных исследований и разработок физик В. Буш предупреждал Конгресс в начале 1945 г. об угрозе еще более разрушительных «пёрлхарборов» в будущем, но и КНШ в секретных документах июля того же года приходил к схожим выводам: «Любой потенциальный враг, учитывая уроки Первой и Второй мировых войн, не станет повторять их ошибок, давая нам время для мобилизации вооруженных сил и производственных ресурсов; США будут атакованы первыми» [цит. по: Печатнов, Манькин, 2016: 290]. В свою очередь Москву «синдром 22 июня» [Наринский, 2010: 52] толкал не только к наращиванию «глубины обороны» в Европе, но и к поиску более эффективных мер по недопущению неожиданного нападения. План обороны СССР, разработанный в июле 1946 г. Главным оперативным управлением Генштаба, охватывал лишь западный ТВД как наиболее приоритетный и строился на попытке учесть уроки 1941 г.: «Фундаментальной основой плана являлся опыт минувшей войны и особенно ее начального периода, что предопределило упор не на пассивное прикрытие государственной границы, как это было накануне Великой Отечественной, а на решительные действия в случае угрозы с непременным упреждением акций противника ударами авиации» [Балуевский, 2003: 16].

Что касается Великобритании, то, несмотря на отличие ее опыта в годы Второй мировой от США и СССР, тезис о необходимости повышенного внимания к начальной стадии эвентуального конфликта закрепился и в британских военных кругах. В 1947 г. и Б. Монтгомери, и тогдашний глава Имперского оборонного колледжа (аналог советской Высшей военной академии, ныне — Военная академия Генерального штаба ВС РФ) генерал У. Слим, позднее сменивший

Б. Монтгомери на посту начальника Имперского Генштаба, стремились доказать своим коллегам: Великобритания должна избежать повторения ошибок начального этапа двух мировых войн, к которым она подошла со слабой армией. У. Слим убеждал КНШ в том, что в будущем конфликте, вероятно, «не будет времени для развития военного потенциала после начала боевых действий с применением атомного и би[ологического] оружия», а Б. Монтгомери считал, что стране необходима «национальная армия», имеющая высокий уровень боеготовности «с самого начала» [цит. по: French, 2012: 43–44].

В случае руководства США и Великобритании подобные суждения усиливались к тому же «мюнхенским синдромом» — тенденцией оценивать потенциальные действия СССР после 1945 г. по аналогии с политикой гитлеровской Германии во второй половине 1930-х годов, исходить из губительности тактики «умиротворения» и нежелательности уступок Москве со стороны западных держав [Печатнов, 2009: 119]. Подобный «синдром» увеличивал роль раннего предупреждения и разведывательных данных, а также склонял Вашингтон и Лондон к демонстрации максимальной жесткости и решимости, рассматривавшихся как антитеза «умиротворению». Уже в июне 1945 г. британский Штаб послевоенного планирования опасался, что «СССР может начать с боевых действий ограниченного характера путем быстрого захвата некоторых стратегически важных территорий, например нефтяных месторождений Ближнего Востока, считая, что мы скорее примем эту ситуацию, нежели ввергнем себя в полномасштабную мировую войну» [цит. по: Lewis, 2003: 171]. Действия западных стран в период Иранского и Турецкого кризисов 1945–1946 гг., а затем и Берлинского кризиса 1948–1949 гг. — первого крупного кризиса «холодной войны» в Европе — рассматривались как правильный сценарий противодействия СССР и недопущения «большой войны», пусть реального возникновения последней не ожидали на Западе вплоть до завершения восстановления Советского Союза (середина — вторая половина 1950-х годов) [Goodman, 2003: 136]. В феврале 1949 г. на фоне советских дипломатических демаршей в отношении Норвегии, направленных на то, чтобы отговорить ее от членства в будущей НАТО, поверенный в делах США в СССР Ф. Колер считал, что Кремль не предпримет каких-либо военных действий, ссылаясь на иранский пример 1946 г.: «Москва способна отступить, когда блеф не удался»³³.

³³The Chargé in the Soviet Union (Kohler) to the Secretary of State (Acheson). February 7, 1949 // FRUS. 1949. Vol. 4. Western Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1975. P. 65.

Уроки Второй мировой войны и реалии «ядерного века»

При всем значении опыта Второй мировой войны и его влиянии на стратегическое и оперативное планирование трех держав не грозило ли появление атомной бомбы полностью изменить прошлые реалии и «отменить» уроки недавнего конфликта? Идеи о революционной роли ядерного оружия имели своих сторонников среди экспертов и военных в США и Великобритании. Так, в официальном пресс-релизе Военного министерства США после испытания ядерной бомбы на полигоне Аламогордо в штате Нью-Мексико (16 июля 1945 г.) отмечалось «успешное вступление человечества в новый век — в атомный век». Саму бомбу характеризовали как «революционное оружие, которое неизбежно изменит облик войны по сравнению с тем, что мы знали ранее; она может даже стать инструментом, способным прекратить все войны...»³⁴. Военный помощник президента США адмирал У. Леги, ранее относившийся к перспективам атомного оружия с некоторым скепсисом, через два дня после бомбардировки Хиросимы записал в своем дневнике: «Смертоносные возможности такого атомного боя поистине пугающие...» [цит. по: Печатнов, 2006b: 558].

В британских властных кругах схожую позицию занимал влиятельный ученый Г. Тизард, возглавивший в мае 1945 г. специальный подкомитет (в структуре КНШ) для определения тенденций развития вооружений и методов ведения войны. В докладе подкомитета, подготовленном в июне, говорилось о том, что «если энергия атома может быть высвобождена в форме взрыва, то характер войны, размер и состав вооруженных сил, масштаб производства вооружений — все это подвергнется серьезным изменениям»³⁵. Обеспокоенность К. Эттли в связи с разрушительными возможностями атомной бомбы проявилась в его переписке с Г. Трумэнном. 25 сентября 1945 г. британский премьер-министр направил президенту США тревожное послание, где писал о том, что «никогда ранее» не существовало оружия, которое могло бы «неожиданно и без предупреждения быть использовано для полного разрушения нервного центра великой державы», по всей видимости, имея в виду Лондон. К. Эттли считал, что «лишь смелые действия могут спасти цивилизацию», рассматривая

³⁴ Опул. в: Smyth H.D. Atomic Energy for Military Purposes: The Official Report on the Development of the Atomic Bomb under the Auspices of the United States Government, 1940–1945. Washington, 1945. P. 247.

³⁵ COS (45) 402 (O), Report by Tizard Committee. June 16, 1945 // TNA, CAB 80/94. F. 396.

в подобном качестве проект интернационализации атомной энергии под эгидой ООН [Baylis, Stoddart, 2012: 336].

Позиция Москвы в отношении атомной бомбы оставалась двойственной: острое понимание необходимости скорейшего создания собственного ядерного оружия соседствовало с демонстрацией внешнего бесстрашия и спокойствия. Еще до бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, на фоне поступавшей информации о «Манхэттенском проекте», было заметно стремление советского руководства ускорить работу над собственным ядерным оружием. Это стремление проявилось, например, в проекте постановления Государственного комитета обороны (ГКО), подготовленном 10 июля 1944 г. наркомом химической промышленности М.Г. Первухиным и физиком И.В. Курчатовым — своего рода «научным руководителем» атомного проекта СССР. В документе не только предусматривалось форсирование поиска новых урановых месторождений для получения в течение 1945 г. 60 тонн урана, но указывались и конкретные сроки (впоследствии снятые, но по-своему показательные) — разработка конструкции авиационной атомной бомбы к 1 сентября 1945 г.³⁶ Все же бомбардировки Хиросимы и Нагасаки произвели на советское руководство серьезное впечатление и стимулировали ускорение атомного проекта, сделав его приоритетным. Постановление ГКО от 20 августа 1945 г. о создании Специального комитета во главе с Л.П. Берией запустило развитие советского атомного проекта новыми темпами и в новых масштабах.

О стремлении к скорейшему созданию собственного ядерного оружия и ощущении рисков, вытекавших из его отсутствия у СССР, говорили колоссальные затраты на советский атомный проект, осуществлявшийся к тому же параллельно с восстановлением страны после разрушительной войны. Стоимость советского атомного проекта оценивается исследователями в 14,5 млрд руб.: в связи со спецификой советской финансовой системы эта сумма, по всей видимости, превосходила затраты на «Манхэттенский проект» (около 2 млрд долл.) не только в относительном (к ВВП страны), но и в абсолютном масштабе [Симонов, 1996: 242; Zubok, 1999: 45]. Согласно устным свидетельствам, циркулировавшим в окружении И.В. Курчатова, И.В. Сталин во время вручения государственных наград участникам атомного проекта осенью 1949 г. подчеркивал: «Если бы мы опоздали на год-полтора с атомной бомбой, то, наверное, опробовали бы ее на себе» [цит. по: Мальков, 2016: 22].

³⁶ Атомный проект СССР: Документы и материалы / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. 1. Ч. 2. М., 2002. С. 95.

Вместе с тем вовне И.В. Сталин и советская дипломатия транслировали образ максимального спокойствия и отсутствия какой-либо нервозности по поводу американской атомной монополии, декларативно занижая значение нового оружия. Во время беседы с послом США А. Гарриманом 8 августа 1945 г. «хозяин Кремля», с одной стороны, отмечал, что ядерное оружие может означать «конец войне и агрессорам», с другой стороны, не высказывал идеи о решающей роли атомных бомбардировок Японии в завершении глобального конфликта. Спокойным тоном И.В. Сталин извещал А. Гарримана о советских и германских работах в ядерной сфере и подчеркивал, что ни те, ни другие не привели к конкретным результатам [Roberts, 2006: 360]. Невозмутимый и почти бравурный тон В.М. Молотова во время Лондонской сессии Совета министров иностранных дел пяти стран в сентябре 1945 г., когда он поднимал тост «за атомную бомбу», добавляя, что «у нас она есть» [цит. по: Холловэй, 1997: 211], соотносился и с речью наркома 6 ноября 1945 г. в связи с очередной годовщиной Октябрьской революции: «Будет у нас и атомная энергия, и многое другое»³⁷. Подобное спокойствие советской стороны помимо причин стратегического (превосходство Красной армии), дипломатического и психологического характера (нежелание демонстрировать обеспокоенность, на которой могли сыграть западные страны) отчасти коррелировало и с поступавшими в Москву разведанными. По информации, переданной немецко-британским физиком К. Фуксом в сентябре 1945 г., США на тот момент производили в месяц 100 кг урана-235 и 20 кг плутония: «...цифры давали возможность советским ученым определить, сколько атомных бомб Соединенные Штаты могли производить в год»³⁸. Вместе с тем в получаемых советским руководством разведанных американские атомные возможности подчас были завышены: 30 атомных бомб, о наличии которых у американцев Народный комиссариат государственной безопасности докладывал уже в августе 1945 г.³⁹, на деле появились только к 1948 г.

Атомная бомба и стратегические реалии Второй мировой войны: новизна и преемственность

В целом, несмотря на все бытовавшие идеи о революционном значении атомной бомбы, они не отражали реальной стратегической ситуации в 1945–1949 гг. Ядерный фактор не перечеркивал прошлые

³⁷ Опубл. в: Известия. 07.11.1945.

³⁸ Феклисов А. За океаном и на острове: Записки разведчика. М., 2001. С. 156.

³⁹ Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 2. С. 366.

суждения, а скорее накладывался, «наслаивался» на концепции, вытекавшие из характера общего «баланса сил», геополитического положения государств, уроков Второй мировой войны и реальных технических ограничений.

Так, роль атомной бомбы как своеобразного «чудо-оружия» снижалась ввиду самого тотального характера войны, из которого продолжали исходить в Москве, Вашингтоне и Лондоне. Результат подобного конфликта будет определен, как считалось, не отдельными видами вооружения, а совокупным потенциалом противоборствующих коалиций. При всем внимании к атомной бомбе И.В. Сталин воспринимал ее как важный, но все же элемент общего «баланса сил»; это был один из факторов, но не универсальный рецепт победы в «тотальной войне». В резком развороте сталинской политики в Корею — от «рекомендации» Ким Ир Сэну воздержаться от нападения на Южную Корею в сентябре 1949 г. до готовности оказать помощь в этом шаге, выраженной в январе 1950 г., — победа Китайской революции, «очевидно, была более важной, чем [создание. — И.М.] советской атомной бомбы» [Holloway, 2010: 380]. В октябре 1950 г., в разгар войны в Корею и подготовки выступления китайских «добровольцев», И.В. Сталин в телеграмме Мао Цзэду не исключал начала «большой войны» англо-американской коалиции против советско-китайской. Хотя недавнее появление у СССР ядерного оружия могло оставаться «между строк», советский руководитель анализировал перспективы эвентуальной войны в классических понятиях «баланса сил». Особое внимание он обращал на фактор поверженных во Второй мировой войне противников. Призывая Пекин не бояться масштабного конфликта, «хозяин Кремля» аргументировал это так: «...мы вместе будем сильнее, чем США и Англия, а другие капиталистические европейские государства без Германии, которая не может оказать США какой-либо помощи, не представляют серьезной военной силы. Если война неизбежна, то пусть она будет теперь, а не через несколько лет, когда японский милитаризм будет восстановлен как союзник США и когда у США и Японии будет готовый плацдарм на континенте в виде лисынмановской Кореи» [цит. по: Торкунов, 2000: 116–117].

Вновь начавшая увеличиваться сухопутная мощь Советского Союза, по всей видимости, рассматривалась как достойный противовес превосходству США в воздухе и большему количеству атомных бомб у Вашингтона. Численность советских вооруженных сил, резко сокращенная с 11,365 млн человек к концу войны до 2,874 млн к 1948 г., затем возрастала: сначала умеренными (к 1950 г. насчитывалось

не менее 3 млн военнослужащих), а затем ускоренными темпами (в 1953 г. — около 5,4 млн). В 1952 г. в разговоре с главой Итальянской социалистической партии П. Ненни И.В. Сталин отмечал, что военно-техническая мощь США (сильная авиация вкупе с атомной бомбой) в немалой степени нивелируется сложностями мобилизации сильной сухопутной армии: «Для Америки недостаточно разрушить Москву, так же, как для нас недостаточно разрушить Нью-Йорк» [цит. по: Холловэй, 1997: 320]. Согласно оценке историка В.М. Зубока, И.В. Сталин «по преимуществу остался государственным деятелем, исходившим из допущений и опыта дядькиной эпохи. Для него появление атомной бомбы сделало возможную будущую войну более ужасающей, но не менее вероятной» [Zubok, 1999: 59–60].

Атомная бомба не могла моментально изменить и те реалии стратегического планирования, которые вытекали из геополитического положения держав. Рецепция ядерного фактора в немалой степени была обусловлена последним. Как отмечал фельдмаршал А. Брук в апреле 1946 г., «базовые принципы нашей стратегии <...> не будут радикально изменены ввиду нового развития методов или орудий ведения войны»⁴⁰.

В рассматриваемый период ядерный фактор был в наибольшей степени интегрирован в американскую стратегию. Безусловно, это было связано со сроками создания атомной бомбы, но этот процесс был усилен и другим обстоятельством: растущим акцентом, который в Вашингтоне делали на роли авиации. Атомное оружие в тогдашних реалиях — это прежде всего авиационная бомба невиданной доселе мощи, и было логично, что его роль представляла повышенной в планировании именно той державы, которая делала ставку на стратегические бомбардировки с воздуха. В среде офицеров ВВС США идеи о революционной роли атомной бомбы пользовались намного большей популярностью, чем в армии или флоте. В сентябре 1946 г., критикуя допущения плана «Пинчер», влиятельный аналитик ВВС полковник Э.Р. Людеке писал одному из своих коллег о том, что «старое мышление в духе Второй мировой войны возвращается, и, как результат, мощь авиации рассматривается лишь как придаток сухопутных и военно-морских сил» [цит. по: Greenwood, 1979: 226].

Уже в августе–сентябре 1945 г. Штаб ВВС США, позиционируя СССР как вероятного противника, разрабатывал планы бомбардировки ключевых советских городов с использованием атомного оружия. 15 сентября заместитель начальника Штаба ВВС генерал-майор

⁴⁰ DO (46) 47, Report by the Chiefs of Staff. April 2, 1946 // TNA, CAB 131/2. F. 244.

Л. Норстэд, исходя из того, что на протяжении ближайших 10 лет именно США и Советский Союз будут «крупнейшими военными державами», представил список из 66 советских городов, уничтожение которых атомными бомбардировками (466 зарядов) могло лишить СССР, с точки зрения генерала, потенциала для ведения войны. В целях экономии сил Л. Норстэд предлагал «ограничиться» 15 важнейшими советскими центрами (39 бомб). Он подчеркивал ожидаемый масштаб урона в результате подобного авианалета (более 10 млн человеческих жертв, разрушение 600 км² территории), полагая, что успешное применение атомного оружия «погрузит [любой. — *И.М.*] современный город в хаос» [цит. по: Nam, 2014: 489]. Подобные представления о своего рода «воздушно-атомном блицкриге» сосуществовали, а во многом и конкурировали с идеями «тотальной войны». Ставка на сокрушительные удары с воздуха была ключевым компонентом в тех размышлениях американского руководства относительно возможности нанести превентивные удары по СССР в период до появления советской атомной бомбы [Buhite, Hamel, 1990; см. также: Alperovitz, 1967].

В плане «Хафмун» (май 1948 г.), в отличие от предшественников, официально одобренном КНШ, акцент вновь был сделан на «мощное военно-воздушное наступление». Его цель — задействовать «разрушительную и психологическую силу атомного оружия против жизненно важных элементов советского потенциала по ведению войны». В плане «Хэрроу», своего рода военно-воздушном приложении к плану «Хафмун», была детализирована карта бомбардировок 20 советских городов с помощью 50 атомных бомб (всего наличного арсенала) для уничтожения как минимум 50% советской промышленности. В плане «Троян» (январь 1949 г.), развивавшем идеи «Хафмуна» и «Хэрроу», список целей был расширен до 70 советских городов, на которые планировалось сбросить 133 атомные бомбы. Ключевые города СССР рассматривались как приоритетная цель, за которой по степени значимости следовали нефтеперерабатывающие заводы, гидроэнергетическая и транспортная инфраструктура [Condit, 1979: 288–294]. Акцентом на готовности использовать атомное оружие в случае войны была проникнута и директива СНБ-30 (сентябрь 1948 г.), остававшаяся «вплоть до 1959 г. единственным документом по общим вопросам политики США в сфере атомной войны, одобренным президентом» [Rosenberg, 1983: 13].

И все же американская атомная монополия отнюдь не могла решить всех стратегических проблем западных стран в условиях потенциальной войны с Советским Союзом. Планирование обороны

по Рейну упиралось в слабость сухопутных сил в Старом Свете, при этом потеря Западной Европы рассматривалась как неприемлемый и пагубный в перспективе вариант непосредственно для США. Как отмечалось в директиве СНБ 20/4, закрепление советского контроля над всем континентом позволит СССР создать «недопустимую угрозу безопасности Соединенных Штатов»⁴¹. Атомная монополия США, таким образом, была асимметрично сбалансирована советским конвенциональным превосходством.

Ограниченность возможностей ядерного оружия осознавали и ряд аналитиков в Пентагоне. В июне 1946 г., суммируя одну из разработок Штаба ВВС, начальник его Оперативного управления генерал Э. Партридж отмечал: гипотеза о быстром «моральном коллапсе» противника в результате атомных бомбардировок его крупнейших городов не доказана, даже если вывести за скобки эффект от советских ударов по военному потенциалу самих США [Rosenberg, 1979: 65]. Схожие идеи на более высоком в административном отношении уровне были сформулированы в комитете под председательством генерал-лейтенанта ВВС Г. Хармона. Этот комитет был сформирован КНШ весной 1949 г. для оценки потенциальных результатов атомных бомбардировок СССР. Итоговый доклад, подготовленный в мае, отличался амбивалентностью. В нем отмечалась роль ядерного оружия как «единственного средства нанесения быстрого удара и серьезного ущерба ключевым элементам советского военного потенциала»; говорилось о возможности уничтожить подобным образом 30–40% промышленных мощностей СССР, убить в результате первой волны атомных бомбардировок 2,7 млн человек, спровоцировать 4 млн последующих потерь и «колоссально осложнить» жизнь еще 28 млн людей. Вместе с тем вывод «доклада Хармона», расцененный как слишком пессимистичный тогдашним начальником Штаба ВВС генералом Х. Ванденбергом, заключался в том, что «атомное оружие само по себе не приведет к капитуляции, разрушению основ коммунизма или критическому ослаблению контроля советского руководства над своим народом»⁴².

Характеризуя относительное, а не абсолютное значение ядерного фактора для стратегических реалий 1945–1949 гг., важно отметить, что имевшееся тогда у США количество атомных бомб оставалось

⁴¹ Report by the National Security Council on U.S. Objectives with respect to the USSR to Counter Soviet Threats to U.S. Security [Enclosure to N[ational]S[ecurity]C[ouncil] 20/4. November 23, 1948] // FRUS. 1948. Vol. 1. General; The United Nations. Pt. 2. P. 665.

⁴² Опубл. в: Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / Ed. by Th.H. Etzold, J.L. Gaddis. New York, 1978. P. 360–364.

сравнительно небольшим, а средства доставки ядерных боеприпасов — ограниченными. Из последующей «ядерной триады» в наличии имелись (с некоторыми оговорками, о которых будет сказано далее) только стратегические бомбардировщики. Количество атомных боезарядов в американском арсенале непрерывно росло (с 2 ед. в 1945 г. до 50 ед. в 1948 г.), однако оно было недостаточным даже по расчетам Стратегического авиационного командования (в структуре ВВС США). Лишь острые кризисы ранней «холодной войны» (Берлинский кризис и особенно война в Корее) резко ускорили производство атомных бомб в США: до 170 ед. к 1949 г. и до 1169 ед. к 1953 г.⁴³

Важно подчеркнуть, что при таком лидерстве США в этой сфере даже их ВВС не были способны нанести тот «нокаутирующий» атомный удар, о котором размышляли некоторые военные планировщики. Боинг Б-29 с эффективным радиусом действия в районе 5300–6000 км (расстояние от Нью-Йорка до Москвы или от Сан-Франциско до Хабаровска превышали 7500 км) не был полноценным стратегическим бомбардировщиком. Это обстоятельство усиливало потребность Пентагона в использовании баз, находившихся в относительной близости к СССР (в том числе на Британских островах). Более того, количество Б-29, переоборудованных под атомную бомбу, было небольшим: на январь 1946 г. их насчитывалось 27 (по другим данным, даже меньше), причем все они были сгруппированы в 509-ю бомбардировочную группу, дислоцированную в Нью-Мексико [Rosenberg, 1982: 28]. Даже появление бомбардировщиков Б-50 (улучшенная версия Б-29 с радиусом действия около 10 тыс. км) и Б-36 (16 000 км, оставался достаточно проблемным в эксплуатации), поступавших в ВВС с 1948–1949 гг., не решало проблем полностью как ввиду потенциального противодействия средств ПВО, так и по причине малочисленности новых моделей (на начало 1949 г. насчитывалось 38 Б-50 и 17 Б-36). Угроза сокрушительного ядерного удара с воздуха даже со стороны США оставалась во второй половине 1940-х годов «пустотелой» [Borowski, 1982].

* * *

Таким образом, как и сами уроки Второй мировой войны, так и восприятие их руководством СССР, США и Великобритании в менявшихся стратегических реалиях 1945–1949 гг. оставались неоднозначными. Несмотря на различия социально-политического устройства и геополитического положения трех стран, в оценках

⁴³ Estimated U.S. and Soviet/Russian Nuclear Stockpiles, 1945–94 // The Bulletin of the Atomic Scientists. 1994. Vol. 50. No. 6. P. 59.

общих стратегических трендов, усиленных или заданных Второй мировой войной, были важные общие черты. Прошедший конфликт, представший прототипом эвентуальной «большой войны» в будущем, рассматривался как образец «тотальной войны» практически глобального масштаба. Она требовала мобилизации человеческих ресурсов и промышленности враждующих коалиций и тщательной подготовки к противостоянию, что размывало грань между «мирным» и «военным» временем. Реальное стратегическое планирование СССР, США и Великобритании находилось под серьезным влиянием сценариев Второй мировой войны. В Москве готовились к отражению агрессии на западных рубежах, желая не допустить ошибок периода «Барбароссы». В Вашингтоне признавали конвенциональное превосходство Советского Союза в Старом Свете, не исключая того, что Советская армия займет Западную Европу, которая лишь затем будет отвоевана американцами и их союзниками в духе операции «Оверлорд». В Лондоне шансы на оборону по Рейну рассматривали как слабые, а базовый сценарий строили на эвакуации войск на Британские острова («тень Дюнкерка») и на масштабных стратегических бомбардировках национальной территории СССР и подконтрольных ему стран. Даже ядерный фактор, вносящий очевидную новизну в стратегическую ситуацию послевоенного периода, играл пока меньшую роль, чем на дальнейших этапах «холодной войны». В дальнейшем развитие ядерных арсеналов и формирование системы взаимного стратегического сдерживания внесло серьезные коррективы в стратегическое планирование, однако целый ряд уроков конфликта 1939–1945 гг. сказывались и значительно позже, проявляясь в развитии военно-промышленных комплексов, милитаризации гражданской жизни, усилении специальных служб. Во многом тень Второй мировой войны лежала на всей второй половине XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балуевский Ю.Н. Деятельность Генерального штаба в первые послевоенные годы (1946–1953 гг.) // Военно-исторический журнал. 2003. № 1. С. 14–19.
2. Батюк В.И., Евстафьев Д.Г. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М.: Российский научный фонд, 1995.
3. Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М.: Кучково поле, 2007.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 12 / Ред. комиссия: С.К. Шойгу и др. М.: Кучково поле, 2015.

5. Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / Отв. ред. В.Т. Юнгблюд. Киров: Вятский государственный гуманитарный университет, 2014.

6. Дундуков М.Ю. «Вам придется начинать с нуля. У нас нет разведывательной службы»: разведка США накануне и в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 3. С. 41–45.

7. Егорова Н.И. История холодной войны, 1945–1991 гг. / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020.

8. Магадеев И.Э. Уроки Второй мировой войны, «баланс сил» и стратегическое планирование Великобритании (1944–1945 годы) // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 59–78.

9. Мальков В.Л. Атомное оружие — детонатор холодной войны. Две проекции // Россия XXI. 2016. № 6. С. 6–37.

10. Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М.: Наука, 1995.

11. Манькин А.С. От сотрудничества к конфликтному взаимодействию: трансформация американских подходов по отношению к СССР в 1945–1947 гг. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2018. № 4. С. 19–29.

12. Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Упущенный шанс: англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. и советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. // Вестник МГИМО-Университета. 2009. Спец. выпуск. С. 177–184.

13. Наринский М.М. Советское руководство и проблема границ и сферы влияния СССР в 1941–1946 гг. // 65 лет Великой Победы / Под ред. А.В. Торкунова, С.Е. Нарышкина: В 6 т. Т. 3. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 52–61.

14. Орлов А.С. Тайная битва сверхдержав. М.: Вече, 2000.

15. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014.

16. Печатнов В.О. От союза — к холодной войне: советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М.: МГИМО-Университет, 2006.

17. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М.: Terra-Книжный клуб, 2006.

18. Печатнов В.О. Уроки Второй мировой войны в военно-политическом планировании США и СССР на послевоенный период // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 116–133.

19. Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Т. 1–2. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.

20. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2016.

21. Симонов Н.В. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996.

22. Торкунов А.В. Загадочная война: Корейский конфликт 1950–1953 годов. М.: РОССПЭН, 2000.
23. Феськов В.И., Голиков В.И., Калашников К.А., Слугин С.А. Вооруженные Силы СССР после Второй мировой войны: от Красной армии к Советской. Ч. 1. Сухопутные войска. Томск: НТЛ, 2013.
24. Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
25. Холодная война: В 2 т. / Под ред. В.А. Золотарёва. Т. 1. М: Институт экономических стратегий, 2014.
26. Alperovitz G. Atomic diplomacy: Hiroshima and Potsdam. New York: Vintage Books, 1967.
27. Aronsen L. Seeing red: U.S. air force assessments of the Soviet Union, 1945–1949 // *Intelligence and National Security*. 2001. Vol. 16. No. 2. P. 103–132. DOI: 10.1080/714002887.
28. Baylis J., Stoddart K. The British nuclear experience: The role of ideas and beliefs (Part 1) // *Diplomacy & Statecraft*. 2012. Vol. 23. No. 2. P. 331–346. DOI: 10.1080/09592296.2012.679488.
29. Betts R. Nuclear blackmail and nuclear balance. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1987.
30. Black J. The age of total war, 1860–1945. Lanham: Rowman & Littlefield, 2010.
31. Borowski H.R. A hollow threat: Strategic air power and containment before Korea. Westport: Greenwood, 1982.
32. Buhite R.D., Hamel Ch. War for peace: The question of American preventive war against the Soviet Union, 1945–1955 // *Diplomatic History*. 1990. Vol. 14. No. 3. P. 367–384.
33. Carley M.J. Fiasco: The Anglo-Franco-Soviet alliance that never was and the unpublished British white paper, 1939–1940 // *The International History Review*. 2019. Vol. 41. No. 4. P. 701–728. DOI: 10.1080/07075332.2018.1458043.
34. Chickering R., Förster S. Are we there yet? World War II and the theory of total war // *A world at total war: Global conflict and the politics of destruction, 1937–1945* / Ed. by R. Chickering, S. Förster, B. Greiner. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 1–16.
35. Cohen M.J. Fighting World War Three from the Middle East: Allied contingency plans, 1945–1954. 2nd ed. London: Routledge, 2015.
36. Condit K.W. The history of the joint chiefs of staff. Vol. 2. Wilmington: M. Glazier, 1979.
37. Copeland D.C. Neorealism and the myth of bipolar stability: Toward a new dynamic realist theory of major war // *Security Studies*. 1996. Vol. 5. No. 3. P. 29–89. DOI: 10.1080/09636419608429276.
38. Cornish P. British military planning for the defence of Germany, 1945–50. London: Palgrave Macmillan, 1996.
39. Dockrill M. British attitudes towards France as a military ally // *Diplomacy & Statecraft*. 1990. Vol. 1. No. 1. P. 49–70. DOI: 10.1080/09592299008405782.

40. Edgerton D. *Warfare state: Britain, 1920–1970*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
41. French D. *Army, empire, and Cold War: The British army and military policy, 1945–1971*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
42. Goodman M. British intelligence and the Soviet atomic bomb, 1945–50 // *Journal of Strategic Studies*. 2003. Vol. 26. No. 2. P. 120–151. DOI: 10.1080/01402390412331303005.
43. Greenwood J.T. The emergence of the postwar strategic air force, 1945–1953 // *Air power and warfare* / Ed. by A.F. Hurley, R.C. Ehrhart. Washington, D.C.: Air Force Academy, 1979. P. 215–244.
44. Greenwood S. Return to Dunkirk: The origins of the Anglo-French treaty of March 1947 // *Journal of Strategic Studies*. 1983. Vol. 6. No. 4. P. 49–65. DOI: 10.1080/01402398308437167.
45. Ham P. *Hiroshima. Nagasaki: The real story of the atomic bombings and their aftermath*. New York: St. Martin's Press, 2014.
46. Herken G. *The winning weapon: The atomic bomb in the Cold War, 1945–1950*. New York: Alfred A. Knopf, 1980. DOI: 10.1086/ahr/87.1.284-a.
47. Hilsman R. On NATO strategy // *Alliance policy in the Cold War* / Ed. by A. Wolfers. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1959. P. 149–183.
48. Holloway D. Nuclear weapons and the escalation of the Cold War, 1945–1962 // *The Cambridge history of the Cold War*. Vol. 1 / Ed. by O.A. Westad, M. Leffler. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 376–397.
49. Johnston A.M. The construction of NATO's medium term defence plan and the diplomacy of conventional strategy, 1949–50 // *Diplomacy & Statecraft*. 2001. Vol. 12. No. 2. P. 79–124. DOI: 10.1080/09592290108406204.
50. Karber Ph.A., Combs J.A. The United States, NATO, and the Soviet threat to Western Europe: Military estimates and policy options, 1945–1963 // *Diplomatic History*. 1998. Vol. 22. No. 3. P. 399–429.
51. Kimball W.F. The incredible shrinking war: The Second World War, not (just) the origins of the Cold War // *Diplomatic History*. 2001. Vol. 25. No. 3. P. 347–365.
52. Leffler M.P. *Safeguarding democratic capitalism: U.S. foreign policy and national security, 1920–2015*. Princeton: Princeton University Press, 2017.
53. Lewis J. *Changing direction: British military planning for post-war strategic defence, 1942–1947*. 2nd ed. London: Frank Cass, 2003.
54. Marks S. *The illusion of peace: International relations in Europe, 1918–1933*. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.
55. Porter P. Beyond the American century: Walter Lippmann and American grand strategy, 1943–1950 // *Diplomacy & Statecraft*. 2011. Vol. 22. No. 4. P. 557–577. DOI: 10.1080/09592296.2011.625803.
56. Reynolds D. The 'Big three' and the division of Europe, 1945–48: An overview // *Diplomacy & Statecraft*. 1990. Vol. 1. No. 2. P. 111–136. DOI: 10.1080/09592299008405788.
57. Reynolds D. *From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the international history of the 1940s*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

58. Reynolds D. Great Britain and the security 'lessons' of the Second World War // *The quest for stability: Problems of West European security, 1918–1957* / Ed. by R. Ahmann, A.M. Birke, M. Howard. Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 299–325.

59. Roberts G. Stalin's wars: From World War to Cold War, 1939–1953. New Haven: Yale University Press, 2006.

60. Rosenberg D.A. American atomic strategy and the hydrogen bomb decision // *The Journal of American History*. 1979. Vol. 66. No. 1. P. 62–87.

61. Rosenberg D.A. The origins of overkill: Nuclear weapons and American strategy, 1945–1960 // *International Security*. 1983. Vol. 7. No. 4. P. 3–71. DOI: 10.2307/2626731.

62. Rosenberg D.A. U.S. nuclear stockpile, 1945 to 1950 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1982. Vol. 38. No. 5. P. 25–30. DOI: 10.1080/00963402.1982.11455736.

63. Ross S.T. American war plans 1945–1950. 3rd ed. New York: Routledge, 2013.

64. Segesser D.M. Controversy: Total war // *International encyclopedia of the First World War*. 2014. Available at: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/controversy_total_war (accessed: 22.02.2020).

65. Sherry M.S. In the shadow of war: The United States since the 1930s. New Haven: Yale University Press, 1995.

66. Sherry M.S. Preparing for the next war: American plans for postwar defense, 1941–45. New Haven: Yale University Press, 1977.

67. Zubok V.M. Stalin and the nuclear age // *Cold War statesmen confront the bomb: Nuclear diplomacy since 1945* / Ed. by J.L. Gaddis et al. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 39–61.

I.E. Magadeev

LESSONS OF WORLD WAR II AND STRATEGIC PLANNING OF THE BIG THREE (1945–1949)

*Moscow State Institute of International Relations (University)
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454*

The paper examines how military and political leaders of the Soviet Union, the United States and Great Britain assessed in the first post-war years and in the face of emerging bipolar world order the lessons of World War II, how the latter influenced their strategic planning and forecasts with the emergence of nuclear weapons. The author outlines the key features of this period (1945–1949), including still fresh memories of the unprecedented destruction and losses of the past war, the US 'nuclear monopoly', and the absence of a system for nuclear deterrence. The paper provides a systematic comparison of lessons from the past war, learnt by the Soviet, the US and British establishment, identifies similarities and differences between them.

The author concludes that WWII was perceived by the political and military leaders of that time as a model of the eventual 'great war' in the future, which almost certainly would be 'total' and 'global' in scope and would demand both thorough preparations during the peacetime and the militarization of civil life. Indeed, the experience of WWII had greatly influenced the strategic and operational planning in the USSR, the USA and Great Britain in 1945–1949. Moscow prepared to face the potential aggression on its Western borders or in the Far East in order to avoid the mistakes of 1941. In Washington the decision-makers acknowledged the Soviet superiority in conventional weapons and didn't exclude the possibility that the Soviet Army could quickly establish control over the Western Europe and that the US military would have to retake it in a 'new Operation Overlord'. The pessimistic outlook of the 'defense of the Rhine' was also shared in London, and the British military planned to evacuate the troops to the British Isles ('shadow of Dunkirk') and to focus on strategic bombing of the USSR and its allies. Even the appearance of nuclear weapons, that would dramatically alter the strategic context in the following years, played a relatively minor role in 1945–1949. The author concludes that the shadow of World War II and its lessons had a long-lasting effect on the post-war international relations.

Keywords: World War II, the Soviet Union, the United States, Great Britain, strategic planning, lessons of war, military strategy, the Cold War, total war, nuclear deterrence.

About the author: *Iskander E. Magadeev* — PhD (History), Associate Professor at the Department of European and American Studies, School of International Relations, MGIMO University (e-mail: iskander2017@yandex.ru).

REFERENCES

1. Baluevskii Yu.N. 2003. Deyatel'nost' General'nogo shtaba v pervye poslevoennye gody (1946–1953 gg.) [General staff in the first post-war years (1946–1953)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 1, pp. 14–19. (In Russ.)
2. Batyuk V.I., Evstaf'ev D.G. 1995. *Pervye zamorozki. Sovetsko-amerikanskіe otnosheniya v 1945–1950 gg.* [The early frosts: Soviet-American relations in 1945–1950]. Moscow, Rossiiskii nauchnyi fond Publ. (In Russ.)
3. Bystrova N.E. 2007. *SSSR i formirovanіe voенno-blokovogo protivostoyaniya v Evrope (1945–1955 gg.)* [The USSR and the formation of military alliances and their antagonism in Europe (1945–1955)]. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
4. Shoigu S.K. (ed.). 2015. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov* [The Great Patriotic War, 1941–1945]. In 12 vols. Vol. 12. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
5. Yungblyud V.T. (ed.). 2014. *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SShA na Balkanakh, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* [Collision course:

The policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Near East and Middle East in 1939–1947]. Kirov, Vyatskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ. (In Russ.)

6. Dundukov M.Yu. 2014. ‘Vam pridyotsya nachinat’ s nulya. U nas net razvedyvatel’noi sluzhby’: razvedka SShA nakanune i v gody Vtoroi mirovoi voiny [‘You’ll have to start from scratch. We have no intelligence service’: The U.S. intelligence services on the eve and during the Second World War]. *Voennostoricheskii zhurnal*, no. 3, pp. 41–45. (In Russ.)

7. Egorova N.I. 2020. *Istoriya kholodnoi voiny, 1945–1991 gg.* [History of the Cold War, 1945–1991]. 2nd ed. Moscow, Izdatel’stvo Yurait Publ. (In Russ.)

8. Magadeev I.E. 2016. Uroki Vtoroi mirovoi voiny, ‘balans sil’ i strategicheskoe planirovanie Velikobritanii (1944–1945 gody) [Lessons of the Second World War, ‘balance of power’ and the strategic planning of Great Britain (1944–1945)]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 59–78. (In Russ.)

9. Mal’kov V.L. 2016. Atomnoe oruzhie — detonator kholodnoi voiny. Dve proektsii [Nuclear weapon — a detonator of the Cold War. Two projections]. *Rossiya XXI*, no. 6, pp. 6–37. (In Russ.)

10. Mal’kov V.L. 1995. ‘Mankhetskii proekt’. *Razvedka i diplomatiya* [‘Manhattan project’. Intelligence and diplomacy]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

11. Manykin A.S. 2018. Ot sotrudnichestva k konfliktnomu vzaimodeistviyu: transformatsiya amerikanskikh podkhodov po otnosheniyu k SSSR v 1945–1947 gg. [From cooperation to the conflict interaction: Transformation of American policy towards Soviet Union in 1945–1947]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*, no. 4, pp. 19–29. (In Russ.)

12. Myagkov M.Yu., Rzheshhevskii O.A. 2009. Upushchennyi shans: anglofranko-sovetskie peregovory letom 1939 g. i sovetsko-germanskii pakt ot 23 avgusta 1939 g. [A missed opportunity: The Anglo-Franco-Soviet negotiations in the summer of 1939 and the Soviet-German pact of 23 August 1939]. *MGIMO Review of International Relations*, special issue, pp. 177–184. (In Russ.)

13. Narinskii M.M. 2010. Sovetskoe rukovodstvo i problema granits i sfery vliyaniya SSSR v 1941–1946 gg. [The Soviet leaders and the issues of the Soviet borders and spheres of influence in 1941–1946]. In Torkunov A.V., Naryshkin S.E. (eds.). *65 let Velikoi Pobedy* [65 years of the Great Victory]. In 6 vols. Vol. 3. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., pp. 52–61. (In Russ.)

14. Belousov L.S., Manykin A.S. (eds.). 2014. *Pervaya mirovaya voina i sud’by evropeiskoi tsivilizatsii* [First World War and the destiny of European civilization]. Moscow, MGU Publ. (In Russ.)

15. Orlov A.S. 2000. *Tainaya bitva sverkhderzhav* [Secret war of the superpowers]. Moscow, Veche Publ. (In Russ.)

16. Pechatnov V.O. 2006a. *Ot soyuza — k kholodnoi voine: sovetsko-amerikanskie otnosheniya v 1945–1947 gg.* [From alliance to the Cold War: Soviet-American relations in 1945–1947]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

17. Pechatnov V.O. 2006b. *Stalin, Ruzvel't, Truman: SSSR i SShA v 1940-kh gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman: The Soviet Union and the United States in 1940s]. Moscow, Terra Publ. (In Russ.)
18. Pechatnov V.O. 2009. Uroki Vtoroi mirovoi voiny v voenno-politicheskom planirovanii SShA i SSSR na poslevoennyi period [The lessons of the Second World War in the American and Soviet strategic planning for the postwar period]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 1, pp. 116–133. (In Russ.)
19. Pechatnov V.O., Magadeev I.E. 2015. *Perepiska I.V. Stalina s F. Ruzvel'tom i U. Cherkhillom v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Correspondence between I.V. Stalin, F. Roosevelt and W. Churchill during the Great Patriotic War], vol. 1–2. Moscow, OLMA Media Group Publ. (In Russ.)
20. Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2016. *Istoriya vneshnei politiki SShA* [History of the US foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
21. Simonov N.V. 1996. *Voенно-promyshlennyi kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie* [Military and industrial complex of the USSR in the 1920–1950-s: Economic growth rate, structure, production, and management]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)
22. Torkunov A.V. 2000. *Zagadochnaya voina: Koreiskii konflikt 1950–1953 godov* [Enigmatic war: Conflict in Korea, 1950–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)
23. Fes'kov V.I., Golikov V.I., Kalashnikov K.A., Slugin S.A. 2013. *Vooruzhennye Sily SSSR posle Vtoroi mirovoi voiny: ot Krasnoi armii k Sovetskoi. Chast' 1. Sukhoputnye voiska* [The military forces of the Soviet Union after the Second World War: From the Red Army to the Soviet Army. Part 1. Ground forces]. Tomsk: NTL Publ. (In Russ.)
24. Khollovei D. 1997. *Stalin i bomba: Sovetskii Soyuz i atomnaya energiya. 1939–1956* [Stalin and the bomb: The Soviet Union and atomic energy. 1939–1956]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf strategii Publ. (In Russ.)
25. Zolotaryov V.A. (ed.). 2014. *Kholodnaya voina* [The Cold War]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Institut ekonomicheskikh strategii Publ. (In Russ.)
26. Alperovitz G. 1967. *Atomic diplomacy: Hiroshima and Potsdam*. New York, Vintage Books.
27. Aronsen L. 2001. Seeing red: U.S. air force assessments of the Soviet Union, 1945–1949. *Intelligence and National Security*, vol. 16, no. 2, pp. 103–132. DOI: 10.1080/714002887.
28. Baylis J., Stoddart K. 2012. The British nuclear experience: The role of ideas and beliefs (part 1). *Diplomacy & Statecraft*, vol. 23, no. 2, pp. 331–346. DOI: 10.1080/09592296.2012.679488.
29. Betts R. 1987. *Nuclear blackmail and nuclear balance*. Washington, D.C., The Brookings Institution.
30. Black J. 2010. *The age of total war, 1860–1945*. Lanham, Rowman & Littlefield.
31. Borowski H.R. 1982. *A hollow threat: Strategic air power and containment before Korea*. Westport, Greenwood.

32. Buhite R.D., Hamel Ch. 1990. War for peace: The question of American preventive war against the Soviet Union, 1945–1955. *Diplomatic History*, vol. 14, no. 3, pp. 367–384.
33. Carley M.J. 2019. Fiasco: The Anglo-Franco-Soviet alliance that never was and the unpublished British white paper, 1939–1940. *The International History Review*, vol. 41, no. 4, pp. 701–728. DOI: 10.1080/07075332.2018.1458043.
34. Chickering R., Förster S. 2005. Are we there yet? World War II and the theory of total war. In Chickering R., Förster S., Greiner B. (eds.). *A world at total war: Global conflict and the politics of destruction, 1937–1945*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1–16.
35. Cohen M.J. 2015. *Fighting World War Three from the Middle East: Allied contingency plans, 1945–1954*. 2nd ed. London, Routledge.
36. Condit K.W. 1979. *The history of the joint chiefs of staff*, vol. 2. Wilmington, M. Glazier.
37. Copeland D.C. 1996. Neorealism and the myth of bipolar stability: Toward a new dynamic realist theory of major war. *Security Studies*, vol. 5, no. 3, pp. 29–89. DOI: 10.1080/09636419608429276.
38. Cornish P. 1996. *British military planning for the defence of Germany, 1945–50*. London, Palgrave Macmillan.
39. Dockrill M. 1990. British attitudes towards France as a military ally. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 1, no. 1, pp. 49–70. DOI: 10.1080/09592299008405782.
40. Edgerton D. 2005. *Warfare state: Britain, 1920–1970*. Cambridge, Cambridge University Press.
41. French D. 2012. *Army, empire, and Cold War: The British army and military policy, 1945–1971*. Oxford, Oxford University Press.
42. Goodman M. 2003. British intelligence and the Soviet atomic bomb, 1945–50. *Journal of Strategic Studies*, vol. 26, no. 2, pp. 120–151. DOI: 10.1080/01402390412331303005.
43. Greenwood J.T. 1979. The emergence of the postwar strategic air force, 1945–1953. In Hurley A.F., Ehrhart R.C. (eds.). *Air power and warfare*. Washington, D.C., Air Force Academy, pp. 215–244.
44. Greenwood S. 1983. Return to Dunkirk: The origins of the Anglo-French treaty of March 1947. *Journal of Strategic Studies*, vol. 6, no. 4, pp. 49–65.
45. Ham P. 2014. *Hiroshima. Nagasaki: The real story of the atomic bombings and their aftermath*. New York, St. Martin's Press.
46. Herken G. 1980. *The winning weapon: The atomic bomb in the Cold War, 1945–1950*. New York, Alfred A. Knopf. DOI: 10.1086/ahr/87.1.284-a.
47. Hilsman R. 1959. On NATO strategy. In Wolfers A. (ed.). *Alliance policy in the Cold War*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, pp. 149–183.
48. Holloway D. 2010. Nuclear weapons and the escalation of the Cold War, 1945–1962. In Westad O.A., Leffler M. (eds.). *The Cambridge history of the Cold War*, vol. 1. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 376–397.
49. Johnston A.M. 2001. The Construction of NATO's medium term defence plan and the diplomacy of conventional strategy, 1949–50. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 12, no. 2, pp. 79–124. DOI: 10.1080/09592290108406204.

50. Karber Ph.A., Combs J.A. 1998. The United States, NATO, and the Soviet threat to Western Europe: Military estimates and policy options, 1945–1963. *Diplomatic History*, vol. 22, no. 3, pp. 399–429.
51. Kimball W.F. 2001. The incredible shrinking war: The Second World War, not (just) the origins of the Cold War. *Diplomatic History*, vol. 25, no. 3, pp. 347–365.
52. Leffler M.P. 2017. *Safeguarding democratic capitalism: U.S. foreign policy and national security, 1920–2015*. Princeton, Princeton University Press.
53. Lewis J. 2003. *Changing direction: British military planning for post-war strategic defence, 1942–1947*. 2nd ed. London, Frank Cass.
54. Marks S. 2003. *The illusion of peace: International relations in Europe, 1918–1933*. 2nd ed. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
55. Porter P. 2011. Beyond the American century: Walter Lippmann and American grand strategy, 1943–1950. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 22, no. 4, pp. 557–577. DOI: 10.1080/09592296.2011.625803.
56. Reynolds D. 1990. The ‘Big three’ and the division of Europe, 1945–48: An overview. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 1, no. 2, pp. 111–136. DOI: 10.1080/09592299008405788.
57. Reynolds D. 2006. *From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the international history of the 1940s*. Oxford, Oxford University Press.
58. Reynolds D. 1993. Great Britain and the security ‘lessons’ of the Second World War. In Ahmann R., Birke A.M., Howard M. (eds.). *The quest for stability: Problems of West European security, 1918–1957*. Oxford, Oxford University Press, pp. 299–325.
59. Roberts G. 2006. *Stalin’s wars: From World War to Cold War, 1939–1953*. New Haven, Yale University Press.
60. Rosenberg D.A. 1979. American atomic strategy and the hydrogen bomb decision. *The Journal of American History*, vol. 66, no. 1, pp. 62–87.
61. Rosenberg D.A. 1983. The origins of overkill: Nuclear weapons and American strategy, 1945–1960. *International Security*, vol. 7, no. 4, pp. 3–71. DOI: 10.2307/2626731.
62. Rosenberg D.A. 1982. U.S. nuclear stockpile, 1945 to 1950. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 38, no. 5, pp. 25–30. DOI: 10.1080/00963402.1982.11455736.
63. Ross S.T. 2013. *American war plans 1945–1950*. 3rd ed. New York, Routledge.
64. Segesser D.M. 2014. Controversy: Total war. *International encyclopedia of the First World War*. Available at: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/controversy_total_war (accessed: 22.02.2020).
65. Sherry M.S. 1995. *In the shadow of war: The United States since the 1930s*. New Haven, Yale University Press.
66. Sherry M.S. 1977. *Preparing for the next war: American plans for postwar defence, 1941–45*. New Haven, Yale University Press.
67. Zubok V.M. 1999. Stalin and the nuclear age. In Gaddis J.L. et al. (eds.). *Cold War statesmen confront the bomb: Nuclear diplomacy since 1945*. Oxford, Oxford University Press, pp. 39–61.